

ГЛАВА 1

28 октября 1942 г.

Давно пора было отправляться домой. Но Антонина, после того как с помощью Сандро, добрейшего из санитаров, устроила маму в кресле у окна — в самом удобном кресле, привезенном из дома, — засиделась. Она расчесывала маме волосы и описывала вслух то, что удавалось разглядеть на пьядце внизу. Можно было не сомневаться, что мама все слышит и понимает — она ведь поворачивает голову на звук голоса Антонины каждый раз, когда та приходит ее навестить. Мама крепко держит ее за руку своей здоровой рукой и сжимает пальцы чуть сильнее, когда дочка шепчет, что любит ее. Да и папа уверен, что мама их понимает, а он все-таки лучший врач в Венеции. Стало быть, вдвойне важно проводить с мамой побольше времени.

Однако колокола церкви Святого Иеремии прозвонили пять раз, так что папа наверняка уже ждет дома, а после заката ходить по городу небезопасно. Небезопасно с недавних пор.

— Мне пора возвращаться, надо помочь Марте с ужином. К тому же ты ведь знаешь: если я не напомню папе, что нужно поесть, он будет читать, пока не заснет прямо за рабочим столом. Помочь тебе

перебраться обратно на кровать? Или хочешь еще тут посидеть до ужина?

Мама кивнула — это было такое слабое, неуловимое движение головой, что кто-нибудь другой и не заметил бы. А когда Антонина наклонилась поцеловать ее в щеку, мама закрыла глаза и подставила лицо — по-прежнему гладкое и прелестное — последним лучам солнца.

— Я вернусь к тебе утром, мам. Постарайся съесть все, что дадут на ужин, хорошо?

Путь домой для Антонины лежал через пьядцу, где еще кипела деловитая суета, затем по темному соттопортего* Нового Гетто и вверх-вниз по ступенькам моста. Дальше нужно было свернуть на одну узкую, неосвещенную калле**, затем на другую, и наконец впереди появлялся изящный силуэт их дома, фасад которого являл собой причудливую мозаику из розоватого кирпича и охряной штукатурки. Номер дома давным-давно выцвел и стерся, но никому не приходило в голову его подкрасить. Все и так знали, что достаточно постучать в зеленую дверь — и доктор Мацин выйдет к ним в любое время суток.

Антонина взбежала по ступенькам, проскрипела туфлями по свежевывмытой лестничной площадке, по коридору и резко остановилась у отцовского кабинета, услышав голос. Должно быть, папа разговаривал с пациентом или записывал что-то важное, проговаривая собственные мысли вслух. С тех пор как научилась ходить, Антонина усвоила, что врываться в такие минуты

* Соттопортего (sottoportego, *ит.*) — крытый проход, своеобразный туннель в здании, характерный элемент архитектурной планировки Венеции. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

** Калле (calle, *ит.*) — улица в Венеции.

без предупреждения к нему не следует, поэтому дважды постучала и подождала, пока голос не стихнет.

— Папа!

— Входи, — донеслось из кабинета, и она открыла дверь.

Доктор Мацин, вопреки ее ожиданиям, оказался не за рабочим столом, а за столиком у окна, и рядом с ним сидел один из его старинных друзей.

— Отец Бернарди! — воскликнула Антонина. — Папа не предупредил, что вы приедете. Мы так давно с вами не виделись!

Священник неловко поднялся и пожал девушке руку:

— Да, милая, прошу прощения, что не наведалься к вам раньше. Твой папа сказал, ты ходила навещать маму. Как она себя чувствует?

— По-прежнему, но, по-моему, ей там хорошо. По крайней мере, хочется на это надеяться. А как ваше здоровье?

— О, не жалуюсь. Устал с дороги и мечтаю выспаться в собственной постели, но в остальном все отлично.

— Рада это слышать. Марта вас чем-нибудь угостила? — Антонина задала этот вопрос из вежливости — она сомневалась, что у них есть чем попотчевать гостя.

— Я пришел всего несколько минут назад, а ты ведь знаешь, как мы с твоим папой любим поболтать. Погоди-ка минутку, у меня для вас кое-что есть. — Отец Бернарди взял со спинки стула свое пальто, ощупал карманы и достал что-то завернутое в газетную бумагу. Через мгновение по комнате распространился восхитительный аромат. — Это от друзей из-за границы, — пояснил священник.

— Кофе... О, отец Бернарди, вы так добры! Пойду искать нашу *caffettiera**. Я мигом!

Антонина уже стояла на стуле в кладовке и рылась на верхних полках шкафа, когда к ней заглянула Марта:

— Ты что здесь делаешь?

— Ищу кофеварку. Отец Бернарди приехал. Мы не пили кофе с его последнего визита, а это было несколько месяцев назад.

Марта вздохнула в своей типичной манере — протяжно и скорбно, с ноткой возмущения:

— Теперь пойдут пересуды — к нам опять пожаловал не кто-нибудь, а католический поп. Где только твой папенька такие знакомства заводит?..

— Отец Бернарди много лет был папиным пациентом и настоящим другом. К тому же к папе всегда приходят самые разные люди. Так что, думаю, никто и внимания не обратит. — Антонина наконец нащупала выщербленный алюминиевый бок кофеварки, запылившейся от полного небрежения, и вытащила ее из дальнего угла. — А где меленка?

— В соседнем шкафчике.

— У нас найдется немножко сахара для кофе?

— Если только немножко. Знаешь ли, если бы твой папенька потрудился предупредить меня, что к нам пожалует гость, я бы напекла *bissetti*** . Так что сам виноват, — проворчала Марта.

Однако она в любом случае не смогла бы приготовить свои бесподобные *bissetti*. Испечь печенье у них было не из чего — наскрести муки в кладовке не удалось бы, лимоны отсутствовали, сахара хватило бы

* Кофеварка (*ит.*).

** Вероятно, автор имеет в виду итальянское слово *biscotti* — «печенье».

лишь на то, чтобы слегка подсластить кофе, а свежих яиц они не видели месяцами. Но напомнить об этом Марте означало бы вызвать очередной шквал вздохов. Так что Антонина вымыла миску и намолочила горстку кофейных зерен — каждое из них было редчайшей драгоценностью, на вес золота. Когда она всё вытряхнула из маленькой емкости меленки и вымела остатки до единой крупинки, того, что получилось, едва хватило на две крошечные чашки кофе — каждая на пару глотков. Зато кофейную гущу можно будет потом заварить еще раз для себя и Марты, потому что даже такой кофе на вкус лучше, чем *caffè d'orzo* — «кофейный» напиток из обжаренных ячменных зерен, — хотя некоторым удастся убедить себя в том, что этот суррогат не хуже оригинала.

Впрочем, пока что Антонине достаточно было и одного аромата — она наслаждалась им, разливая кофе по очаровательным расписным фарфоровым чашечкам, купленным родителями во Флоренции в медовый месяц, вдыхала этот запах, расставляя чашечки и сахарницу на подносе и шагая к отцовскому кабинету. В конце концов, запах — лучшее, что есть в кофе, а таким соблазнительным он кажется только потому, что она голодная, решила Антонина. Как только поужинает, уже не станет обращать на него столь пристальное внимание.

Мужчины были так поглощены беседой, что даже не посмотрели в сторону Антонины, когда та вошла, а прерывать их она ни за что бы не стала, поэтому молча положила сахар в кофе, размешала, расставила чашки возле них и села в кресло, парное к тому, что теперь стояло у мамы в *casa**.

* Дом (*ит.*). Имеется в виду дом призрения.

Отец ей улыбнулся и выпил кофе, смакуя каждый глоток, но его внимание было сосредоточено на госте.

— Этот город, эти несколько островков — единственное место в Европе, которое для нас, евреев, похоже на землю обетованную. Мы веками жили здесь, чувствуя себя в безопасности, а теперь ты говоришь, что нам нужно покинуть Венецию. Ради чего? — Задав вопрос, отец Антонины взволнованно повысил голос. — Ради сомнительного гостеприимства, которое могут предложить нам испанцы? Ради суматошного перехода через горы, чтобы по ту сторону швейцарцы сразу дали нам от ворот поворот?

— Если бы ты послушал меня с самого начала, — покачал головой священник, — когда тебе только запретили работать врачом...

— У меня нет другой родины. Я такой же итальянец, как ты, я здесь родился и не говорю на иных языках. Что станет со мной, если я уеду? А с моей семьей, с моими пациентами? В конце концов, если не считать расовых законов, фашисты нам ничем не угрожают.

— Ты сказал об этих законах так, будто их можно считать вполне приемлемыми для нормального гражданского общества, но из-за них ты и все мои знакомые евреи лишились работы. Нет, не надо на меня хмурить брови. Вспомни, как фашисты обошлись с милейшим доктором Йоно. Ему за семьдесят, он давным-давно ушел на пенсию, а его фамилию все равно вычеркнули из официального списка врачей и отняли профессорское звание в университете. Все, что у него осталось, — титул главы местной еврейской общины, но это чистая формальность.

— Расовые законы несправедливы, в этом мы с тобой, дорогой мой Джулио, сходимся. Но я сумел

приспособиться и жить дальше, как мы всегда и делали. — Папа подался вперед, так крепко сцепив пальцы, что побелели костяшки, и перешел на шепот: — Ты же знаешь, положение дел стало меняться после поражения при Эль-Аламейне.

— Если что-то и меняется, то, на мой взгляд, слишком медленно. Между тем дуче слабеет, а немцы нагледуют. Гром вот-вот грянет. Грянет обязательно. Они захватят власть и в наших краях — это лишь вопрос времени. Захватят, как в Австрии, да и в остальной Европе. И что потом? — Дружеский тон отца Бернарди сделался настойчивым и жестким. — Только подумай, что будет, когда они установят здесь свои порядки. Что им помешает поступить с вами так же, как они поступили с евреями в Германии, в Польше, во Франции?

— А если я все же решусь вместе с Антониной уехать в Швейцарию, что будет с моей Деворой? Она не перенесет путешествие, ты сам понимаешь. И еще ты понимаешь, что я ее не оставлю. Пока дышу, не оставлю. Какое несчастье, что она теперь в доме призрения... — Папа снял очки и принялся протирать их скомканным платком. По тому, как он сжал губы и помассировал переносицу, Антонина догадалась, что папа пытается сдержать слезы. Такое бывало с ним всякий раз, когда он заговаривал о жене, об ударе, который сделал ее беспомощной, и о мучительном, вынужденном решении поместить ее в дом призрения несколько месяцев назад.

Антонина порадовалась, что не позволила себе даже попробовать кофе, потому что сейчас, при одной мысли о том, что можно куда-то уехать, покинув маму, у нее перехватило горло и скрутило пустой желудок.

От папы не укрылись ее терзания.

— Не волнуйся, мы здесь в полной безопасности. Правда ведь? — Он взглянул на отца Бернарди, и Антонина заметила в его глазах предостережение. Но что именно папа хотел сказать другу этим взглядом, было неясно — то ли просил ответить честно, то ли заклинал проявить милосердие.

Так или иначе, священник кивнул, однако его любезная улыбка не убедила Антонину.

— Пока да, — произнес отец Бернарди. — Но не забывай, о чем мы с тобой...

— Не забуду, — перебил папа. — Обещаю тебе — не забуду.

— Что ж, тогда мне пора. Я собирался заглянуть сюда всего на пару минут. — Священник тяжело поднялся на ноги, слегка покачнувшись. — Благодарю за гостеприимство. — Он обменялся рукопожатием с папой и, повернувшись к Антонине, взял ее протянутую ладонь в свои. — Я буду молиться за твою матушку, милая.

— Спасибо, отец Бернарди. Счастливого вам пути.

Пока папа прощался с другом, она собрала кофейные чашки на поднос и отнесла их на кухню. Марте, которая уже разбила за многие годы все чашки из сервиза, кроме трех, девушка их не доверила — тщательно вымыла сама, затем вытерла и поставила на полку. Когда Марта взялась готовить для всех ужин, все еще ворча себе под нос о беспокойстве, причиненном священником, и об общей неуместности его визита, Антонина вернулась в отцовский кабинет.

Папа сидел в том же кресле и, увидев ее, сразу кивнул:

— Иди-ка посиди со мной. Ты рада была повидаться с отцом Бернарди?

— Конечно.

— Я тоже обрадовался его приезду. Однако... времена нынче тяжелые, как ты понимаешь. Он очень рисковал, прийдя сюда, к нам.

— Я заметила, что ты расстроен, когда принесла вам кофе.

— Так и есть. Но не из-за него. Ты ведь знаешь, какое наслаждение мы оба получаем от наших жарких споров. Меня удручает другое...

— Что? — Девушке не удалось скрыть проскользнувший в голосе страх.

Папа наклонился вперед и взял ее за руку, словно нуждался в подтверждении присутствия дочери.

— Когда я сказал, что у меня нет другой родины, это была чистая правда. И я могу мириться со всеми невзгодами и унижениями, пока у меня есть право называть себя венецианцем, гражданином Италии. Но меня удручает то, что тебе приходится жить в изоляции. Когда-то я надеялся, что ты будешь учиться в университете.

— Ты... — начала Антонина, но слова застряли в горле, она чуть не задохнулась. С трудом слотнув, девушка немного помолчала и попыталась продолжить: — Ты никогда мне этого не говорил. Я не знала, что ты хотел видеть меня студенткой.

Антонина несколько лет втайне от папы штудировала его учебники. Втайне вовсе не потому, что боялась его неодобрения — наоборот, папа всегда гордился ее школьными успехами, и для него не было большего удовольствия, чем помогать дочке с домашними заданиями и расспрашивать, что они проходили на уроках. Но расовые законы 1938 года лишили ее и других еврейских детей в Италии возможности учиться. Папа, сообщая ей эту новость, не выдержал и разрыдался — тогда

Антонина впервые увидела, как он плачет. Поэтому она решила, что лучше брать книги из его библиотеки тайком, чтобы не расстраивать его еще сильнее, а потом читать и хорошенько запоминать прочитанное, чтобы, когда ей снова позволят ходить в школу, быть готовой.

— Конечно, хотел. И сейчас хочу. Такой умной девушке, как ты, прямая дорога в университет. Ты не можешь тратить свою жизнь в доме призрения, или в очереди за хлебом, или...

— Война не продлится вечно. Когда она закончится, я снова смогу пойти учиться.

— Сможешь, — кивнул папа. — Или же... Возможно, я сумею научить тебя тому, что знаю сам. Представим себе, что ты моя студентка в Падуе. Я скучаю по своим ученикам, но рад, что теперь не приходится часами трястись в поезде по дороге на лекции. Думаю, у меня получится сделать из тебя очень хорошего врача. Что скажешь?

— Это мое заветное желание. — Антонина заморгала изо всех сил — было бы глупо расплакаться по такому счастливому поводу.

— Нам, правда, придется приспособливаться к обстоятельствам. Полноценным образованием это нельзя будет назвать, но я дам тебе общее представление о том, что такое медицина, а ты решишь, подходит ли тебе профессия.

— Когда мы начнем?

— Я знаю, что ты уже несколько лет читаешь книги из моей библиотеки, так что, можно сказать, мы уже начали.

— Значит, ты заметил, да? — спросила Антонина, хотя удивляться тут было нечему: она старалась

.....

проявлять деликатность, но все-таки не очень скрывалась, когда брала книги.

— Ну разумеется. Наверное, мне надо было сразу что-нибудь сказать, поддержать тебя в твоём стремлении учиться. Однако самому важному по книгам не научишься. Ты узнаешь гораздо больше, если будешь вместе со мной посещать пациентов. Я, конечно, спрошу у них разрешения, но думаю, большинство моих подопечных будут рады твоему присутствию. Да и мне помощница пригодится.

— Значит, я буду смотреть, как ты работаешь?

— Да. Будешь смотреть и со временем научишься видеть. Будешь слушать и вскоре начнешь слышать. Так, моя драгоценная девочка, становятся настоящими врачами.

ГЛАВА 2

11 января 1943 года

Антонина рано легла спать, но глубокой ночью, когда ее разбудил стук в дверь, возникло ощущение, будто она только что заснула.

— Антонина! Мы нужны синьоре Меле.

— Да, папа.

Первое, что она усвоила, когда отец стал брать ее с собой на вызовы к пациентам, — нужно быстро вставать с постели. Времени понежиться под теплым одеялом не оставалось, и от этого просыпаться было еще тяжелее, особенно зимой. Так или иначе, Антонина вскочила, оделась и уже через пять минут была у двери.

Папа протянул ей стетоскоп и термометр — она спрятала их в самом глубоком кармане пальто. Другие вещи, необходимые для визита к пациентке, отправились на дно ее холстяной сумки.

— Кого за тобой присылали?

— Соседского сынишку. Бедный ребенок совсем замерз.

До 1938 года у них был телефон. Он стоял на столике на лестничной площадке, а рядом с ним лежали карандаш и стопка листов бумаги. Когда Антонине исполнилось десять, папа объявил, что она достаточно взрослая, чтобы пользоваться телефоном, и когда

девочка немного потренировалась записывать сообщения и говорить в трубку четко и вежливо, ответы на звонки стали ее почетной обязанностью. Но несколько лет назад телефон забрали, после того как папе было запрещено заниматься медицинской практикой, и теперь на столике осталась только пустая ваза.

Дождь оказался не таким сильным, как опасалась Антонина, — просто в воздухе висела водяная взвесь, и камни были скользкими и мокрыми под ногами. Яркая луна выглядывала из-за облаков, а в щели между ставнями домов пробивалось достаточно света, чтобы видно было дорогу, — здесь никто не заботился о соблюдении светомаскировки. Из всех бед, обрушившихся на Венецию, бомбардировки представлялись самой незначительной.

Они пошли по узким калле, замедляя шаг на каждом повороте и проверяя, свободен ли путь. Антонина знала, как себя вести, если они вдруг нарвутся на патрульного; по крайней мере, она надеялась, что хорошо запомнила папины наставления. Они были в гостях у родственников, должен будет сказать папа, а ей следует кивнуть в знак подтверждения. Папа пояснит еще, что они, мол, хотели дождаться, когда дождь прекратится, но этой зимой, похоже, дожди какие-то нескончаемые. А потом им останется затаить дыхание и мысленно уповать на то, что патрульный, который их остановил, пребывает в добром расположении духа.

Они никогда не заговаривали о том, что может случиться, если власти обнаружат, что папа посещает пациентов вопреки запрету.

Дом синьоры Меле находился в Старом Гетто, в самом конце тупика, которым обрывалась Калле-дель-Форно. Это пятиэтажное здание было одним из старейших